

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN  
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.26>

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА В. БОГДАНОВОЙ «ПАВЕЛ ЧЖАН И ПРОЧИЕ РЕЧНЫЕ  
ТВАРИ»

Научная статья

Потапчук Е.Ю.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup> ORCID : 0000-0003-3530-279X;

<sup>1</sup> Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Российская Федерация

\* Корреспондирующий автор (epotapchuk[at]mail.ru)

**Аннотация**

В статье анализируются композиционные особенности романа-антиутопии Веры Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари», изданного в 2021 г. Автор публикации обнаруживает, что данное произведение является полифоническим, что позволяет рассматривать социально-культурные и политические проблемы, поднятые в нем, многоаспектно и многогранно. В строении романа «Павел Чжан и прочие речные твари» используются приемы линейной, кольцевой, концентрической и ретроспективной композиции. Для конструирования отталкивающей реальности будущего применяется линейное повествование, а для анализа мотивационно-ценностной сферы главных героев произведения – ретроспективное. Кольцевая структура романа способствует формированию отрицательной оценки реальности, созданной в антиутопии «Павел Чжан и прочие речные твари».

**Ключевые слова:** современная русская литература, роман В. О. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари», роман-антиутопия, композиционные особенности романа-антиутопии.

COMPOSITIONAL SPECIFICS OF V. BOGDANOVA'S NOVEL "PAVEL ZHANG AND OTHER RIVER  
CREATURES"

Research article

Potapchuk Y.Y.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup> ORCID : 0000-0003-3530-279X;

<sup>1</sup> Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

\* Corresponding author (epotapchuk[at]mail.ru)

**Abstract**

The article analyses the compositional traits of Vera Bogdanova's dystopian novel "Pavel Zhang and Other River Creatures", published in 2021. The author of this publication finds that this work is polyphonic, which allows to examine socio-cultural and political problems raised in it in a multidimensional and multifaceted way. The structure of the novel "Paul Zhang and Other River Creatures" uses the techniques of linear, circular, concentric and retrospective composition. Linear narrative is used to construct the repulsive reality of the future, and retrospective narrative is used to analyse the motivational and value sphere of the main characters of the work. The ring structure of the novel contributes to the formation of a negative evaluation of reality created in the dystopia "Paul Zhang and Other River Creatures".

**Keywords:** modern Russian literature, V. O. Bogdanova's novel "Pavel Zhang and other river creatures", dystopian novel, compositional specifics of the dystopian novel.

**Введение**

Начиная с конца 1980-х гг. у читающей публики в России особыми интересом пользуются антиутопические произведения, которые долгое время находились под запретом и легализация которых началась с публикации в 1988 г. романа Е. И. Замятина «Мы» (1924), что способствовало стремительному развитию этого жанра в русской литературе [11, С. 54]. Произведения-антиутопии в конце XX в. создали В. Н. Войнович («Москва 2042», 1987), В. С. Маканин («Лаз», 1987), А. А. Кабаков («Невозвращенец», 1991), Т. Н. Толстая («Кысь», 2000) и др. В XXI в. жанр антиутопии в русской литературе представлен, например, романами Д. А. Данилова «Саша, привет!» (2021) и В. О. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари» (2021).

Р. Божич считает, что «появление антиутопий в российской культуре всегда является следствием серьезных общественно-политических перемен» [2, С. 570], например, она сопоставляет русские антиутопии 1920-х и 1990-х гг. В романах-антиутопиях в гипертрофированном виде представляются черты современной авторам действительности [2, С. 570-571]. Антиутопии и утопии, развитие которых тесно взаимосвязано [8, С. 144], не стоит рассматривать как чистый вымысел, их отношения с действительностью достаточно сложны [6, С. 208], поскольку они не только плод фантазии их создателей, не оторваны от реальности, а являются своеобразным мысленным экспериментом [9, С. 21]. «Антиутопия – как бы зеркальная разновидность утопии. И если утопия рациональна по природе, то и острее антиутопии упирается именно в это ее качество, т. е. отрицает самую ее суть» [10, С. 101]. По мнению Шишкиной, антиутопия, наследуя от утопии весь комплекс философских, социальных и этических проблем, опровергает ее, «при этом обе являются прогностическими» [12, С. 9-10]. Таким образом, антиутопические произведения выступают в роли, своего рода, рефлексии основных тенденций развития общества, и предупреждения о возможных социально-культурных и иных угрозах. Отмечается, что «общественно-политический подтекст как тематическая составляющая

романа и формальные приемы построения произведения в романе-антиутопии тесно взаимосвязаны» [2, С. 571], что проявляется и в композиции произведения.

### Методы и принципы исследования

Цель данного исследования – выявить особенности композиционного строения романа В. О. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари», в результате чего возможно более точное и тонкое понимание антиутопических идей этого произведения, посвященного анализу основных тенденций развития современного российского общества. Методологической основой исследования стал структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана. Для определения особенностей и значения композиционных особенностей романа применялись структурно-семиотический, интертекстуальный методы и метод текстологического анализа.

### Основные результаты

В романе-антиутопии В. О. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари» изображается Россия накануне 2049 г., когда Китай готовится отпраздновать столетие со дня образования КНР [1, С. 315]. По сюжету произведения в 2020-х гг. из-за катастрофического кризиса, вызванного незаконными санкциями, экономического спада, обвала рубля произошло «великое сближение России и Китая» [1, С. 135], был создан Союз Азиатских Государств (САГ), появление которого «спасло Россию» [1, С. 315]. В описываемой реальности возглавляет РФ президент Алексей Енисеев, а КНР – председатель Лин Чживэнь. В момент описываемых в начале романа событий Россия переживает новый этап интеграции в состав САГ, где председательствует КНР: гражданин России по образцу Китая будут в обязательном порядке чипировать для комфорта, безопасности и не только [1, С. 238]. Так, главный герой романа считает, что «развитие систем слежения делало жизнь лучше и безопаснее, это Павел знал как разработчик. Да и в сближении с Китаем не было ничего плохого» [1, С. 17].

За прошедшие после создания САГ годы в Россию не только пришла мода на все китайское, но и вся российская реальность пережила своеобразное окитаивание: китайские еда, продукты, сигареты («Панда»), автомобили («лифаны»), розничные магазинчики «Алихпресс» с китайскими товарами распространены повсеместно, используются китайские соцсети (Техуе), мессенджеры (Weibo), поисковики (Baidu) и видеохостинги (Youku), в ходу китайские имена, популярны китайские фильмы, на улицах – поклонники маньхуа и си-попа, упоминаются китайские мифологические, исторические, литературные персонажи и пр. В футурологии В. О. Богдановой «люди стали ресурсом. С самого рождения каждый миг их жизни был разворован соцсетями, мессенджерами, стримами, подкастами, ТВ и рекламой, генсеками на кабриолетах, психологами в Youku, играми в планшетах, арках, vi-очках с эффектом полного погружения» [1, С. 88].

Созданная в романе реальность служит фоном для обсуждения остросоциальных проблем современности: насилие в отношении детей и взрослых, контроль над личностью со стороны общества и государства, угрозы технологического развития современного общества, взаимоотношения человека и техники, ксенофобия и пр. Бесперспективность и опасность нынешних тенденций общественного развития в этом романе-антиутопии передается посредством композиционных особенностей.

В произведении «Павел Чжан и прочие речные твари» сочетаются несколько видов композиции: линейная, ретроспективная, концентрическая, кольцевая, полифоническая и пр. Основной сюжет романа излагается, на первый взгляд, линейно. Он связан с одним из главных героев произведения – Павлом Чжаном (Баолу) – бывшим воспитанником детского дома, потерявшим в двенадцатилетнем возрасте отца и мать, в настоящее время – программистом, успешно работающим в престижной IT-компании, головной офис которой находится в Пекине. Павел Шэньюанович Чжан свободно говорит по-китайски, потому что его отец – китаец. Один из жителей российской глубинки этой будущей реальности, отмечает, что «у нас сейчас китайцам везде зеленый свет» [1, С. 173]. И друг говорит Паше-полукровке: «Ты же китаец, Чжан. Родаки твои че не уехали обратно? Сейчас там лучше из лучших, тебе самое оно» [1, С. 32]. Действительно, Павел Чжан с детства стремится уехать жить и работать в Китай, поскольку считает существование в России бесперспективным. В свои двенадцать лет он рассуждает так: «Да, китаеза, потомок древней цивилизации, которая сейчас правит миром. Не нужно завидовать» [1, С. 141]. Ради своей мечты Павел целеустремленно и старательно учился и работал, не заводя никаких особенных привязанностей, потому что всеми силами стремился в Китай – на родину отца, где он будет своим. «Его манил Пекин, как перелетных птиц призывает юг. Земля обетованная, Эльдorado двадцать первого века, Китай был полон ярких обещаний, подарков, заготовленных лишь для него, Павла... Он будет там, он попадет в Китай. Там его место, там его ждет успех, туда он вырвется...» [1, С. 144].

В московской реальности Чжан связан личными и интимными отношениями с Соней Снегиревой, а с коллегой Игорем Лыковым сначала – деловыми, а затем дружескими. В основное повествование романа вклиниваются ретроспективные зарисовки, описывающие полные трагедий детства Павла, Сони и Игоря, в результате чего становится понятным, какие детские травмы движут поступками этих героев, проясняя мотивы их поведения. Так, в пережившем насилие в детстве Павле Чжане пробудилось бессознательное нечто, именуемое в тесте романа Швалью, которое герой вынужден скрывать и сдерживать, потому что под его влиянием он способен к жестокости и свершению преступлений. Это разросшаяся внутри Павла Шваль избила и покалечила его одноклассника, связала и утопила насильника и педофила, в ситуациях опасности она отлично умеет драться. Об психологически изуевчившей Павлушу самой первой травме детства, читатель узнает в самом конце произведения: отец Павла, отправившись в Москву на частные уроки, исчез, а мама – от безысходности покончила жизнь самоубийством, утопившись, едва не погубив и малолетнего сына. С тех пор бессознательная Шваль в мире Павла Чжана пахнет тинной, болотом и отдает речным холодом. Даже в Пекине «к пруду Павел старался не подходить. Ему то и дело чудилось шевеление в темной, как мазут, воде, и во рту сразу появлялся привкус тины» [1, С. 365]. Но об этом событии рассказывается в одном из последних сновидений Павла во время его заключения, допросов и попыток в застенках китайских спецслужб.

Воспоминания об этой трагедии приводят к слиянию двух начал Павла Чжана и Швали, и новое существо совершает бунт против окружающей реальности. Причины этого протеста помогает понять возникшее в романе-антиутопии В. О. Богдановой сюжетное кольцо, соединяющее жизнь Павла в Москве и Китае.

В линейном повествовании описывается около года из жизни центральных персонажей произведения. За это время Павел Чжан, успешно завершив свой проект, попрощался с Соней и уехал на постоянное место жительства в КНР, провел три месяца в китайской «школе адаптации» для переселенцев, приступил к работе в китайском офисе компании, освоился в Пекине, завел знакомство с новыми коллегами-китайцами. Но в Китае Павла настигло жесточайшее разочарование: его новая жизнь мало чем отличалась от прошлой, из которой он мечтал вырваться. На новом месте жизнь Павла «кружила все по тому же одинокому московскому маршруту без начала и конца – работа-сон-работа» [1, С. 375]. «Зачем это жить вот так? Один день похож на другой, и снова, все такое серое, скучное. Это жуть», – рассуждал еще в Москве Павел [1, С. 85].

Повествование романа-антиутопии В. О. Богдановой построено таким образом, что реальность Китая подобна московской: в ней отсутствуют какие-либо знаки иного мира – этнические, территориальные, культурные и пр., поэтому создается ощущение, что стремившийся уехать из России герой, двигаясь в пространстве с запада на восток, вернулся в исходную точку, остался на месте. Круг замкнулся и в его переживаниях, и в заочных пейзажах, и в композиции романа. Только крайне редкие культурные метки отличают московскую реальность от пекинской: упоминаются Московский Кремль, Красная площадь, названия нескольких московских улиц, православные иконы, Москва–Сити-2, третье транспортное кольцо Москвы. Даже пекинский мартовский пейзаж напоминает Россию: «День выдался ясный, над городом растянулось раскаленно-голубое небо, какое бывает в февральские морозы над Москвой» [1, С. 377].

В романной реальности антиутопии Китай уже поглотил Россию, захватив собой все пространство, но он так безлик, сер и однообразен, что Павел почувствовал его неподлинность и фальшивость. «Фальшивыми оказались не только хохот и должность. Фальшивыми были лица офисных менеджеров – ни одного натурального, сплошь черты актеров дешевых корейских дорам...обеспеченные люди заводили детей только с помощью ЭКО, и их генетически идеальные дети казались слегка ненастоящими. Фальшивыми были бренды на развалах, платежки левых компаний в электронном ящике, новости в очках» [1, С. 371]. Разочарование в «придуманном мире» [1, С. 370] и привело Павла Чжана к бунту и протесту. «Китай – фальшивка, отец умер, кругом «контрас». Павел им не доверяет» [1, С. 422]. Новая реальность вызывает у него сомнения, потому «Китай столетней давности вклинился третьим слоем между реальным миром и допреальностью с картой навигатора и красной нитью новостей от КПК» [1, С. 347].

По замечанию Д. Солобуто, для антиутопии характерна замкнутость хронотопа, так как в ней «время перестает двигаться, олицетворяя стабильность; место действия относится не к миру географии, а к художественному миру» [8, С. 147]. Конструкция романа «Павел Чжан и прочие речные твари» соответствует этой характеристике антиутопических произведений: главный его герой находится и передвигается в одном и том же пространство-времени – фальшивом, неподлинном, омассовизированном Китае. Таким образом, использование кольцевого композиционного приема в романе В. О. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари» усиливает значение антиутопических идей этого произведения, демонстрируя бесперспективность овосточивания российского общества, и страх перед подобными тенденциями [7].

Роман «Павел Чжан и прочие речные твари» состоит из трех частей – «Цзичан», «Кэчан», «Вансычэн», значение которых поясняется в самом произведении в эпизоде, где главный герой знакомится с китайской мифологией. Цзичан («двор голода»), Кэчан («двор жажды»), Вансычэн («город напрасно умерших») – это части одного из судилищ Диюйя (где располагается начальник остальных судей) – ада в китайской мифологии [4, С. 386–388]. Следует отметить, что Павел Чжан работает в IT-компании «Диюйя», т. е. он уже находится в китайском «аду», где принимаются решения о дальнейшей судьбе человеческих душ – их перерождении, наказании и пр. Третья часть романа-антиутопии, описывающая «новую» жизнь Чжана в Китае, где его настигло разочарование и где он взбунтовался против предлагаемого ему порядка, называется «Вансычэн», что в китайской мифологии обозначает «город напрасно умерших» – место, куда попадают самоубийцы, отправленные на землю в виде демонов «после истечения срока жизни отпущенного им небом» [4, С. 388]. Таким образом, названия трех частей романа «Павел Чжан и прочие речные твари» указывают на разворачивающийся внутренний конфликт главного героя, постепенно превращающегося в некоего злобного речного духа. И в реалистическом, и в мистическом слое романа Павел Чжан погибает, фактически покончив жизнь самоубийством, в конечном счете, попадая в этот самый «город напрасно умерших». «Путь Павла Чжана – это путешествие по аду, но не по европейскому аду Данте, а по китайскому. Согласно китайской мифологии, владения владыки ада Циньгуан-вана включают «двор голода» – Цзичан, «двор жажды» – Кэчан, и «камеру восполнения священных текстов» Буцзинсо... Павел Чжан последовательно проходит их все, чтобы окончательно освободиться от иллюзий» [7]. Эпиграфы, которыми снабжены три главы романа В. О. Богдановой, выступают в роли своеобразных указателей этого путешествия по китайскому аду. Первая часть снабжена эпиграфом «На террасе, обращенной к востоку, перед зеркалом зла нет хороших людей», и в ней раскрывается внутренний лишенный гармонии мир главного героя. Второй части, в которой описывается преступление Павла Чжана, предшествует эпиграф «Кто ходит по-тигриному, тот быстро умирает». И наконец, третья часть, где Павел совершает метафизическое самоубийство, начинается эпиграфом «Отсюда нет пути к иному». В глобальном смысле использование элементов «подземной» китайской мифологии в романе-антиутопии В. О. Богдановой указывает на выбранную тенденцию общественного развития как на самоубийственную.

Основное повествование романа дополняется прологом и эпилогом. Пролог, содержащий китайскую легенду о встрече бедного рыбака с духом утопленника (щуйгуем), закончившейся проникновением щуйгуя в мир людей в облики рыбака и заточением последнего в водах Янцзы. Эта история предвещает и открывает мистический сюжет произведения, который разворачивается в подсознательной сфере главного героя, постепенно превращающегося в

злобного речного духа, потому что во время заключения, когда внутри нарастают отчаяние и гнев, его кожа между пальцами уплотнилась, «превратилась в перепонки... Перепонки между пальцами чешутся. Обросли полупрозрачными чешуйками, острыми, как стеклянные пластинки» [1, С. 420–421]. Вторую часть романа завершает мифологическая история, рассказанная Павлу Баолу его отцом о постоянном возвращении непогребенного в соответствии с требованиями традиции покойника, а потому и не упокоенного. Эта вставка предваряет третью часть романа, поясняя значение детских травм (своеобразных духов), вновь и вновь возвращающихся в жизнь человека и влияющих на него в уже его взрослую пору. Павел Чжан так и не смог справиться со своими внутренними «духами», уж очень многочисленны и сильны были его детские травмы, но его любимая девушка Соня, родившая его продолжение, – сына – смогла вырваться из пугающей реальности. Эта робкая «не вовсе безнадежная» [5, С. 105] попытка преодоления сложившегося порядка описана в эпилоге произведения: Соня поселяется у Павлова друга Игоря в Коломне в простеньком деревенском домике с яблонями под окнами. Эпилог романа построен «на контрасте идиллии и трагедийного звучания» [5, С. 105]. В этой части произведения окончательно закольцовывается повествование о Павле Чжане, поскольку в доме, где теперь живут Соня и его сын, он сам в детстве рос и слушал уроки и истории отца. Возможно, это сам Павел или его дух навещал Пашу-младшего: описанием оставленных кем-то следов у коляски малыша заканчивается эпилог произведения.

### Заключение

Итак, в описании одного года из жизни главных героев романа «Павел Чжан и прочие речные твари», решающего в их судьбе и судьбе общества, используется линейное повествование, что позволяет представить сконструированную автором реальность антиутопии.

В пояснении мотивов поступков героев и в описании эволюции становления антиутопического мира применяется ретроспектива, способствующая более глубокому пониманию сюжетных событий.

Кольцевая композиция, смыкающая сцены московской и пекинской жизни Павла Чжана указывает на бесперспективность не только индивидуального существования героя, но и на недостатки и противоречия сконструированной в антиутопии реальности, в которой создан Союз Азиатских Государств, и тем самым способствует не только реализации художественного замысла автора, но и формированию оценки анализируемых в антиутопии тенденций общественного развития.

«Структура полифонической композиции имеет пространство, на котором устанавливаются сложные отношения эквивалентности на разных уровнях» [3, С. 111], поэтому созданная в романе «Павел Чжан и прочие речные твари» композиционная полифония создает условия для многогранного представления сконструированной в антиутопии реальности и такого же многогранного рассмотрения проблем, которым посвящено произведение.

### Финансирование

Исследование выполнено при поддержке ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», грант 7.23-ТОГУ.

### Конфликт интересов

Не указан.

### Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

### Funding

The study was carried out with the support of the Pacific National University, grant 7.23-TOGU.

### Conflict of Interest

None declared.

### Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

### Список литературы / References

1. Богданова В. О. Павел Чжан и прочие речные твари / В. О. Богданова. — Москва: АСТ. — 2021. — 443 с.
2. Ващенко (Анисимова) Д. Ю. Роман-антиутопия в новом ракурсе / Д. Ю. Ващенко (Анисимова) // Славянский альманах. — 2014. — № 2013. — с. 569–573.
3. Иванова О. С. Структура полифонической композиции и ее реализация в художественном тексте культуры и искусств / О. С. Иванова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 36. — с. 108–114.
4. Токарев С. А. Мифология народов мира: Мифология народов мира: в 2 т. / С. А. Токарев. — Москва: Российская энциклопедия. — 1994. — Т. 1.
5. Ничипоров И. Б. «Павел Чжан и прочие речные твари» Веры Богдановой: опыт художественной футурологии / И. Б. Ничипоров // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2022. — № 2(68). — С. 100–106. — DOI: 10.26907/2074.0239.2022.68-2.100.106.
6. Паниотова Т. С. Миры утопии: избранные труды / Т. С. Паниотова. — Таганрог: Издательство Южного федерального университета. — 2022. — С. 351.
7. Сиротин С. Китайский ад. Вера Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари / С. Сиротин // Noblit.ru. — 2021. — URL: <https://noblit.ru/node/3761> (дата обращения: 20.08.2024).
8. Солобуто Д. С. Антиутопия: эволюция и особенности жанра / Д. С. Солобуто // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Вып. 3 (858). — С. 142–149. — DOI: 10.52070/2542.2197.2022.3.858.142.

9. Трунов А. А. Встречи с Утопией (рецензия на книгу Т. С. Паниотовой «Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*») / А. А. Трунов, Е. О. Олещенко // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. — 2023. — № 48(1). — С. 207-212. — DOI: 10.52575/2712.746X.2023.48.1.207.212.
10. Черепанова Р. С. Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения / Р. С. Черепанова // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. — 1999. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utopiya-i-antiutopiya-tipologiya-i-vzaimootnosheniya> (дата обращения: 20.08.2024).
11. Черняк М. А. Страхи будущего в современных антиутопиях / М. А. Черняк // *Universum: Вестник Герценовского университета*. — 2006. — № 8(34). — с. 54–55.
12. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С. Г. Шишкина. — Иваново: Федеральное агентство по образованию. — 2009. — С. 230.

### Список литературы на английском языке / References in English

1. Bogdanova V. O. Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari [Pavel Zhang and other river creatures] / V. O. Bogdanova. — Moscow: AST. — 2021. — 443 p. [in Russian]
2. Vaschenko (Anisimova) D. Yu. Roman-antiutopiya v novom rakurse [A dystopian novel from a new perspective] / D. Yu. Vaschenko (Anisimova) // *Slavjanskij al'manah [Slavic almanac]*. — 2014. — No. 2013. — pp. 569-573. [in Russian]
3. Ivanova O. S. Struktura polifonicheskoy kompozicii i ee realizacija v hudozhestvennom teksteta kul'tury i iskusstv [The structure of polyphonic composition and its implementation in the artistic text of culture and arts] / O. S. Ivanova // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*. — 2016. — No. 36. — pp. 108-114. [in Russian]
4. Tokarev S. A. Mifologija narodov mira: Mifologija narodov mira: v 2 t. [Mythology of the peoples of the world: Mythology of the peoples of the world: in 2 volumes] / S. A. Tokarev. — Moscow: Russian Encyclopedia. — 1994. — V. 1. [in Russian]
5. Nichiporov I. B. "Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari" Vera Bogdanovoj: opyt hudozhestvennoj futurologii [“Pavel Zhang and Other River Creatures” by Vera Bogdanova: an experience of artistic futurology] / I. B. Nichiporov // *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University]*. — 2022. — No. 2 (68). — P. 100-106. — DOI: 10.26907/2074.0239.2022.68-2.100.106. [in Russian]
6. Paniotova T. S. Miry utopii: izbrannye trudy [Worlds of Utopia: Selected Works] / T. S. Paniotova. — Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University. — 2022. — P. 351. [in Russian]
7. Sirotin S. Vera Bogdanova. Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari [Chinese hell. Vera Bogdanova. Pavel Zhang and other river creatures] / S. Sirotin // *Noblit.ru*. — 2021. — URL: <https://noblit.ru/node/3761> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]
8. Solobuto D. S. Antiutopiya: jevoljucija i osobennosti zhanra [Dystopia: Evolution and Features of the Genre] / D. S. Solobuto // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities.]*. — 2022. — Issue. 3 (858). — P. 142–149. — DOI: 10.52070/2542.2197.2022.3.858.142. [in Russian]
9. Trunov A. A. Vstrechi s Utopiej (recenzija na knigu T. S. Paniotovoj «Miry utopii: izbrannye trudy [Meetings with Utopia (review of the book by T. S. Paniotova “Worlds of Utopia: Selected Works”) = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*») / А. А. Трунов, Е. О. Олещенко // *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo [Philosophy. Sociology. Law]*. — 2023. — No. 48 (1). — P. 207-212. — DOI: 10.52575/2712.746X.2023.48.1.207.212. [in Russian]
10. Cherepanova R. S. Utopija i antiutopiya: tipologija i vzaimootnosheniya [Utopia and dystopia: typology and relationships] / R. S. Cherepanova // *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii [electronic journal on historical sciences and archeology]*. — 1999. — No. 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utopiya-i-antiutopiya-tipologiya-i-vzaimootnosheniya> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]
11. Chernyjak M. A. Strahi budushhego v sovremennyh antiutopijah [Fears of the Future in Modern Dystopias] / M. A. Chernyjak // *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta [Bulletin of Herzen University]*. — 2006. — No. 8 (34). — pp. 54–55. [in Russian]
12. Shishkina S. G. Istoki i transformacii zhanra literaturnoj antiutopii v XX vekeaniju [Origins and transformations of the genre of literary dystopia in the 20th century] / S. G. Shishkina. — Иваново: Federal Agency for Education. — 2009. — P. 230. [in Russian]